

Про балет, футбол, операционную систему Windows и Мариинку

*Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит как пух от усть Эола;
То стан совьёт, то разовьёт
И быстрой ножской ножку бьёт.*

А. С. Пушкин, "Евгений Онегин"

Попробуйте, уважаемый читатель, поднять руку и изящно раскрыть ладонку так, чтобы кисть смотрелась красиво, как роза в вазе. Получилось? Ах, у вас не рука, а ручища, и не ладошка, а лапища, и вы не знаете, какой палец куда ставить и под каким углом оттопыривать? Не расстраивайтесь. Откроем вам секрет: даже если сделать все безупречно с точки зрения циркуля и линейки, и правильно отогнуть каждый палец, этого все равно мало, чтобы ваша кисть превратилась в бутон. В лучшем случае - в скучный цветок из бумаги и проволоки. А вот прима-балерина Мариинского Театра умеет превращать кисть в живой цветок, руку – в крыло волшебной птицы, а тело – в иероглиф, которым зашифрован тайный смысл.

Балет начинается там, где появляется волшебство. Его часто считают элитарным искусством, что, может быть, и верно, но тогда он элитарен не потому, что предназначен элитарному зрителю, а потому, что по-настоящему делается только элитарными исполнителями – теми, которые владеют искусством превращений и ведают тайный смысл пластических иероглифов. Все остальное – не Балет, а балетники, поставленные муниципальными труппами на муниципальных сценах: милое, забавное, но, в основном, скучное сочетание гимнастики и морали. И если Балет, как всякая настоящая красота, понятен каждому, то балетик интересен только элитарному зрителю (чтобы было о чем посудачить) да критикам (чтобы было что покритиковать – хлеб у них такой).

Разумеется, техническое совершенство есть необходимое условие любого вида искусства. Но в одних жанрах и контекстах оно более важно, в других – менее. Например, достаточно знать несколько аккордов на гитаре, чтобы, играя с душой и чувством, тронуть души и добыть чувства из слушателей. Но играть с душой на скрипке, не будучи виртуозом, задача много более трудная, если вообще возможная: недостаток техники сведет на нет порыв души. Техника – это язык, на котором исполнитель говорит со зрителем. И язык балетного па, жеста, позы – один из наиболее сложных и изощренных языков искусства (действительно, что может быть дальше от естественного движения, назначенного человеку природой, чем en pointe или, тем более, fouettes).

В Кировском театре этим языком в совершенстве владеют не одна-две-три суперзвезды, а практически любой солист. Вагановская Академия – главный поставщик кадров Мариинского Театра, только во второй половине прошлого века вырастила несколько десятков балетных гениев, каждый из которых сделал бы честь любой балетной труппе в любой культурной столице. Они и делают: в Лондоне, Нью-Йорке, Мюнхене, Амстердаме, Гамбурге и других балетных центрах (которые часто становятся центрами как раз потому, что там танцуют Вагановские выпускники). И почти все они признаются в своих интервью, что вряд ли покинули бы родную Мариинку, если бы у них была возможность танцевать там так много, как хочется. Но плотность балетных талантов в

Мариинке была и есть столь велика, что даже звездам часто приходится “сидеть в запасе”. Мы не будем перечислять имен, потому что их так много, и каждое просто-таки требует таких эпитетов, что список будет более напоминать персидскую касыду, нежели газетную заметку. Представьте себе футбольную команду, составленную из одних Пеле, Эйсебио и Гарринч. Да с Беккенбауром в защите, и Львом Яшиным на воротах, потому что звезды Кировского Балета опираются на феноменальный, единственный, уникальный кордебалет, который сам по себе есть, может быть, самое удивительное, что создано в мировом балете до сих пор.

Впрочем, в Петербурге Мариинский театр был необыкновенно популярен еще задолго до появления нынешних звезд. Гоголь в статье «Петербургская сцена в 1835-36гг.» писал: «Балет и опера завладели совершенно нашей сценой. Публика слушает только оперы, смотрит только балеты. Говорят только об опере и балете. Билетов чрезвычайно трудно достать...»

Почему экзотическое и вычурное искусство балета, странный цветок, завезенный в Санкт-Петербург из Европы в 18 веке, так укоренился на русской почве, что стал одним из её символов? Соломон Волков в своей фундаментальной «Истории культуры Санкт-Петербурга» размышляет на этой загадке, и мы отсылаем читателя к этой необыкновенно интересной книге. Несомненно, что театральность архитектурных ансамблей Петербурга, их строгая графичность и музыкальность, «оград узор чугунный», ирреальная поэтика белых ночей создают особую атмосферу, которая пропитывает и исполнителей, и зрителей. Вычурное искусство становится естественным в вычурной столице.

По свидетельству Соломона Волкова, на петербургском балете отдыхали душой даже августейшие особы. Вот одна из характерных историй, рассказанная Волкову основателем американского балета, знаменитым хореографом Джорджем Баланчиным (Георгием Баланчивадзе, кстати, тоже выпускником того самого Петербургского балетного училища, которое потом стало Вагановской Академией).

Великий Мариус Петипа как-то репетировал в театре со знаменитой балериной Фанни Эльслер «большое па с ружьём» из балета «Катарина». Внезапно на репетиции появился император Николай I. Увидев, что балерина неправильно держит ружье, император прервал репетицию и обратился к ней: «Подойдите ко мне поближе и делайте все, что буду делать я». С этими словами Николай стал демонстрировать ружейные приемы, которые Эльслер весьма ловко повторяла. Довольный таким усердием, император спросил её, когда будет премьера: «Я приеду и буду вам аплодировать...» Когда придворные узнали, что репетицией балета руководил сам царь, на премьеру невозможно было достать билет.

Императоры сменяли друг друга, потом их самих сменили в роли отцов нации люди далеко не царского происхождения, но славная история Мариинки продолжалась. Она знавала разные времена и нравы, видела многое и многих, менялись публика, ее балетные вкусы и пристрастия. Но Мариинка умела хранить и развивать свои классические традиции. Ведь если мы говорим о балете, то даже наличие прекрасной сцены, первоклассной труппы и выдающегося оркестра совсем не гарантирует первоклассного спектакля. Надо ещё изобрести все эти па, коленца, пируэты, придумать костюмы и вариации, сочинить планы кордебалета. Именно поэтому очень трудно сделать великий спектакль сразу, с первого раза. Знаменитая Windows стала более-менее приличной операционной системой после почти десяти лет “на сцене”, то есть интенсивного использования и доводок, а для software, с его сверх-скоростями развития, десять лет – это больше, чем для театра век. Мариинский тем и уникален, что его классические жемчужины – «Лебединое озеро», «Спящая Красавица» или «Баядера» – идут там уже более ста лет, постоянно обновляясь, заново продумываясь, шлифуясь до совершенства, и заново соотносясь с духом великого Города. Наверное, завораживающие узоры, которые плетет Мариинский кордебалет в Белых актах «Лебединого Озера» или знаменитой сцене

«Теней» из «Баядеры», навеяны архитектурными планами Петербурга, его белыми ночами и черно-белыми сновидениями, его наводнениями и его парадами.

В мире много интересных балетных трупп, и несколько сильных полноценных балетных театров. Но так же как среди великих футбольных сборных есть одна самая-самая – Бразильская, а среди оперных театров есть Миланский Ла Скала и все остальные, так и среди балетных театров мира самый-самый только один – Мариинка.

Марик Балеткин